

Дарбанов Б.Е.

КЕПТИ ТҮШҮНҮҮДӨГҮ АДАМДЫН ДҮЙНӨДӨГҮ ОБРАЗЫНЫН РОЛУ

Дарбанов Б.Е.

РОЛЬ ОБРАЗА МИРА ЧЕЛОВЕКА ПРИ ВОСПРИЯТИИ РЕЧИ

B.E. Darbanov

ROLE OF AN IMAGE OF THE WORLD OF THE PERSON AT PERCEPTION OF THE SPEECH

УДК: 41:943:41:82 (043.3)

Бул макалада кепти түшүнүүдөгү дүйнө элесинин ролу каралат. Аң-сезими менен дүйнө элесинин карым катнашы изилденет. Ошондой эле кыргыз реципиенттеринин орус тилиндеги тексттерди окууда дүйнө элеси, дүйнө сүрөтү каралат.

Негизги сөздөр: түшүнүү, реципиент, окуу, угуу, перцепциялык, этнос, дүйнө сүрөтү, коммуникация, ассоциация.

В данной статье рассматривается роль образа мира при восприятии и понимании речи. Прослеживается отношение сознания и образа мира. Также рассматриваются образ мира, картина мира у реципиентов кыргызов при чтении русскоязычных текстов.

Ключевые слова: понимание, реципиент, чтение, перцептивный, этнос, картина мира, коммуникация, ассоциация.

This article examines the role of the image of the world in perception and understanding speech. Traced the relation of consciousness and world image. Also discusses the image of the world, picture of the world in recipients of kyrgyz people when reading russian texts.

Key words: understanding, recipient, read, perceptive, ethnicity, world view, communication, association.

"Образ мира", под которым в настоящее время понимается психологами [А.Н. Леонтьев.1983; Смирнов, 1985; Зинченко, 1983; Величковский, 1983] отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии. Мир презентирован отдельному человеку через систему предметных значений, как бы наложенных на восприятие этого мира. Человек не «номинирует» чувственные образы предметов - предметные значения суть компонента этих образов, то, что их цементирует для человека, то, что делает возможным само существование этих образов. Каждый из нас, когда воспринимает мир непосредственно через образ мира, постоянно переносит светлое поле внимания с одного предмета на другой. Таким образом, в нашем образе мира, а вернее и точнее в том его ситуативном фрагменте, с которым мы в данный момент имеем дело, все время «высвечивается» отдельный предмет, а затем далее внимание и сознание переключается на другой - и так без конца. Движение сознания в образе мира

имеет не планиметрический, а стереометрический характер. Сознание имеет глубину. Образ мира многомерен, как многомерен сам мир [см. А.А. Леонтьев,1997, с. 269]. Сейчас мы вернемся к бахтинской идее диалога человека с миром, об его известной концепции «большого» и «малого» мира. Это – бытие человека в мире как его составной части, находящейся с этим миром в непрерывном диалоге, предполагает, говоря словами А.Н. Леонтьева, «...возвращение к построению в сознании индивида образа внешнего многомерного мира, мира как он есть, в котором мы живем, в котором мы действуем, но в котором наши абстракции сами по себе не обитают» [А.Н. Леонтьев, 1983, с. 225]. В концептуальной системе школы Л.С.Выготского речь идет об образе мира и деятельности человека в этом мире. Простейшее, в конечном счете механическое представление об их взаимоотношении сводится к тривиальному положению о том, что образ мира есть ориентировочная основа для всей его деятельности. Но образ мира связан с деятельностью не только, так сказать, операциональными связями. Нельзя забывать, что «строительным материалом» для образа мира являются не безличные социализованные значения, а личностные смыслы как кристаллизация человеческого отношения к миру. Пейво полагает, что в долговременной памяти представление знаний о мире осуществляется преимущественно с помощью перцептивных аналогов в том смысле, что их активизация обеспечивает модельно-специфическую (т.е. зрительную, слуховую и т.д.) информацию о перцептивных характеристиках объектов. Такие единицы репрезентации Пейво называет имагенами (от англ. image "образ") [Paivio, 1971, 1972, 1978]. Для объяснения регуляции деятельности как единицы и в плане общей временной перспективы А.Н.Леонтьев предложил особую психологическую категорию - это "образ мира" [«Психология внимания», 1995, с.221]. А. А. Леонтьев считает "образ мира" сложной иерархической и динамической структурой. Он предлагает различать следующее: а) инвариант "образа мира", обусловленный лежащими в его основе социально выработанными опорами (прежде всего значениями) и, в свою очередь, могущий быть единым для социума (социально-культурной общности, этноса) или для определенной

социально-культурной группы внутри этого социума; б) вариант "образа мира" индивидуально-личностное "видение" мира конкретным человеком через призму личностных смыслов, установок и других компонентов структуры личности. [А.А. Леонтьев, 1988, с.105]. В книге «Язык и сознание» А.А.Леонтьев показал и продемонстрировал, что в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено (если, конечно, эта обусловленность не преодолевается специально; но мы здесь имеем в виду не научное, а обыденное сознание); видение мира одним народом нельзя простым "перекодированием" перевести на язык культуры другого народа. Иначе говоря, мы должны уметь формировать тот "образ мира", который обычно соответствует социальным, политическим и культурным реальностям современной действительности [А.А. Леонтьев, 1993, с. 20]. Он там же подчеркнул, что процесс обучения - это, в свою очередь, процесс формирования инвариантного "образа мира" – образа, социально и когнитивно адекватного реальности этого мира. Такой инвариантный образ призван служить ориентировочной основой для эффективной целенаправленной деятельности человека в мире. Очевидно, процесс этот носит во многом «неосознаваемый» характер, поскольку и сама система сознания скорее всего определяется этническими стереотипами поведения и не осознается, конечно, каждым отдельным носителем культуры, т.е. принадлежит коллективному бессознательному данного национально-лингвокультурного сообщества. Однако именно эта определенная системность сознания или образа мира влияет на поведение представителей того или иного сообщества и определяет его [Н.В. Уфимцева, 1996, с. 161].

Язык и есть система ориентиров, которая необходима для деятельности в этом вещном и социальном, одним словом – предметном, мире. Общение, коммуникация - это в первую очередь не что иное, как способ внесения той или иной коррекции в образ мира собеседника (ситуативный, фрагментарный и в то же время непосредственный, т.е. образ «большого» мира или глобальный образ. Но выключенный из реальной деятельности и реального переживания этого мира, т.е. образ «малого» мира, мира абстракций). Соответственно усвоение данного нового языка есть переход на новый образ мира, необходимый для взаимопонимания и сотрудничества с носителями этого другого языка и другой культуры.

Чтение – это прежде всего особый вид общения в человеческой деятельности. Современная коммуникативно-деятельностная методика, обогащенная теорией речевых актов, рассматривает чтение как интерактивный процесс, опосредованный письмен-

ным текстом. При этом в задачу адресата (читателя) входит декодировка интенций адресанта (автора текста). Успех интеракции при чтении непосредственно зависит от сформированности коммуникативной компетенции субъектов, а это в отношении изучающих неродной язык (русский язык), трактуется как наличие соответствующей языковой» предметной и прагматической компетенции.

"Языковая, предметная и прагматическая компетенция", в нашем понимании, предполагает формирование у изучающих русский язык соответствующего языкового сознания и "образа мира" русского языка. А для того, чтобы сформировать "образ мира" и языковое сознание русского языка, необходим настойчивый поиск форм и методов. Н.Д. Бурвинова в статье "Трудности формирования образа русского текста у изучающих язык" [1994, с. 15] подчеркнула то, что ощущение цельности текста, имеющее место у носителя языка, не возникает у иностранца при восприятии "прецедентных текстов" [термин Ю.Караулова]. Так, изучаемые в нерусской аудитории фразеологизмы не покрывают многообразия пусть даже определенным образом минимизированных прецедентных текстов для изучения. К тому же корпус прецедентных текстов постоянно обновляется. Коммуникативная компетенция предполагает наличие в сознании языковой личности "образа языка". Поскольку постольку язык существует в текстах, мы можем говорить об "образе русского текста", формирующемся у изучающих русский язык. Компонентами такого образа можно считать также форму представления, прецедентность, информативность (там же). Дополним сказанное некоторыми примерами, приведенной М.Х.Манликовой (РЯЛШК, №1, 2005, с. 12-19) среди реципиентов киргизов и русских.

Киргизские реципиенты на вопрос «Какая картина возникает в вашем воображении, когда вы произносите слова *п л я с к а*, *б е р е з а*, *река*, *степь*, *лес* и др.? Слово *п л я с к а* вызвало у киргизских реципиентов образы «пляшущих», «танцующих», «парней и девушек» (у 27%). Остальные дали перевод слова – «бий» («танец») или приводят русский синоним «танец». Очевидно, в представлении реципиентов возникают танцы, чаще всего современные. А у русских информантов в ответ на этот вопрос возникли специфичные образы «веселой буйной пляски», «с присвистом», «с гармошкой», «с пританцовыванием», «прихлопыванием и притопыванием».

Слово *б е р е з а* вызывает у киргизских реципиентов нейтральные ассоциации: *белое дерево*, *большое дерево*, *белое дерево с черными пятнами*. А у русских реципиентов возникли специфические ассоциации, которые отсутствовали у реципиентов киргизов: *Россия*, *Русь*, *белоствольная*, *родина*, *в белом сарафане*, *златокудрая*, *красавица*, *церковь*, *белая*, *русская*, *стройная*. У реципиентов киргизов

при слове *р о д и н а* возникли следующие образы, ассоциации. Это «горы», «Тянь-Шань», «Ала-Тоо», «высокие горы», «белые снежные вершины гор», «Иссык-Куль», «джайлоо», «белые юрты», «кумыс», «комуз» и др.

По приведенным примерам авторы сделали ценные некоторые выводы. Чтобы сформировать языковое сознание при изучении неродного языка необходим «комплексно-синтетический этнокультуроведческий комментарий» (Шейман Л.А., 1982), который включает в себя изобразительный материал, содействующий адекватному восприятию неродного языка, его культуры, т.е. следует развивать у реципиентов чувство уважения к быту, культуре другого народа.

Литература:

1. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / Пер. с нем. // Гумбольдт В. фон. Избр. Труды. М., 1984, с.34-298.
2. Леонтьев А.А. Предисловие // Материалы всесоюзной научно-практической конференции «Психолого-педагогические проблемы обучения технике чтения, смысловому восприятию и пониманию текста». М., 1989.
3. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. М., 1988.
4. Сорокин Ю.А. Михалева И.М. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993, с. 98-117.
5. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. М., 1988.
6. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева «Культурный знак» Выготского и гипотеза Сепира-Уорфа // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. - М., 1982.
7. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун. Методические и методологические аспекты // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. Калинин, 1983.
8. Шейман Л.А. и др. Ассоциативный словарь русской этнокультуроведческой лексики. Фрунзе, 1989.

Рецензент: к.филол.н., доцент Джапаров Н.Р.